

Отец Демьян Кудрявцев

— ЭТО НЕ КАСКИ, ЭТО ШЛЕМЫ...
— ЗАЧАРОВАННО СКАЗАЛ РЕБЕНОК,
НЕ ЗНАЯ ТОЛКОМ, ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ

НА ПРОШЛОЙ неделе Яша съездил за город, где большие, временами уже пожилые, но до сих пор не очень взрослые люди сидят на краю воды и ждут ветра. — Зачем тебе ветер? — Ветер, чтобы летать.

У этих людей есть паруса и доски. Есть паруса поменьше, в человеческий (взрослый) рост, и побольше, которые даже не паруса, а облака на веревочках, — их надо держать двумя руками, и сначала они похожи на гигантские пододеяльники, вроде тех, что перед сном взлетают с хлопком над Яшиной кроватью, потом на цветные шары, а когда уносятся к горизонту, то на мятущихся бабочек или птиц, а человека под ними совсем не видно, но Яша его терпеливо ждет и помогает тянуть мокрый кайт из воды на берег: — Понял теперь, для чего нужен ветер? — Понял. А если ветра нет, то все паруса лежат перед морем разноцветными лоскутами, и тогда надо ходить между них со специальным прибором и поглядывать строго в таком порядке: в небо, на воду, на прибор, чтобы, как только вернется ветер, сломя голову мчать к палаткам, не выговаривая рычащих и шипящих — одни свистящие, временами порывистые, 5–7 метров в секунду.

Прибор интересный, но лучше любых приборов — мокрый палец, поднятый прямо вверх, только прямо, вот, покажи на небо, ну как — чувствуешь холодок? — Нет! — И я нет. Потому что нет ветра. — Понял!

Настоящие серферы, с длинными выгоревшими волосами и хриплой речью, держат Яшу за своего. Он у них там «самый основной» — в его возрасте меня звали «самый умный», и в этом было значительно меньше уважения и доверия, чем досталось ему. — Эй, основной, идешь купаться? — А вода холодная? — Не идешь, значит? И Яков сам надевает плавки и бежит, маленький, спотыкается, но бежит за своим большим настоящим другом, а им к пятидеся-

ти на двоих, и оба храбро заходят в воду, без парусов и досок, потому что сегодня ветра нет. Я ничего такого не умею, не катаюсь на доске, не прыгаю с парашютом. Я даже не очень умею плавать, в детстве раз переплыл Неву — да так испугался, что до сих пор от глубин отгораживаюсь буйками. Меня мутит при виде «тарзанки» и «русских гор», и из всех доступных аттракционов я выбираю простейших два — комнату смеха и рядом — страха, случается, перепутаю иногда.

Зимой у меня гораздо больше шансов проявить себя на (и приподнять — в) глазах сына. Мы с ним оба любим лыжи, но пока еще у меня получается лучше, и я могу, защемив его между стоп, лихо съехать с какой-нибудь красной трассы, а в конце пути, но еще не на пологом месте, закричать «Внимание!» и развести лыжи, вот тогда из-под меня, как торпеда, выплывает Яшка и без палок пускается напрямки, так что тормозить ему приходится не плугом и не плашмя, а сначала кубарем, чуть не комом, а потом внизу — утыкаясь собой в сугроб.

Но лыжи кончились очень давно, и, возвращаясь с воды на дачу, Яша рассказывает мне по телефону про палатки и доски серферов, и в голосе его невыносимое превосходство и множество новых, заемных слов. Но ничего.

— У меня есть для тебя сюрприз. — Сюрприз-подарок? — Сюрприз-сюрприз, вот приедешь — узнаешь.

И, довольный тем, что сбил с Яши самодовольство и что вместо того, чтобы вспоминать своих серферов, он сейчас тяжело гадал и, возможно, мучается и злится, я пошел готовить ему сюрприз, который восстановит правильную иерархию в отношениях отца и сына, избавит меня от рассказов о тридцати трех морских богатырях и при этом не будет ему подарком. Стоило,

в общем, подумать, прежде чем обещать. Больше всего, как известно, Яков любит транспортные средства, среди которых вершина дозволенности — детские мотоциклы, у него, между прочим, есть один, а у Ханы даже игрушки-машины нету. Конечно, ему очень нравится моя машина, он много раз сидел за рулем один и несколько раз воровал ключи, но пока эти разы между собой не совпали, машина считается неосвоенной, запретной и недоступной, и потому хоть она и лучше детского мотоцикла, но призрачней, нереальней.

А тут жара и дым, так что, когда мы наконец увиделись, можно было обойтись и без сюрприза, больше всего Яше хотелось пить и спать, ничего рассказывать не хотелось, ничего показывать не могло. Но мне отступить было некуда, и мы подошли к столбу, где, словно теленок перед базаром, был привязан одолженный на день скутер, синий, с кожаным мягким креслом, с гуделкой на руле и с двумя притороченными к рулю касками наших размеров.

— Это не каски, это шлемы... — зачарованно сказал ребенок, не зная толком, что делать дальше. Я посадил его перед собой, чтобы его небольшие руки дотягивались до руля, и мы осторожно поехали по проселку, я — силясь держать баланс, Яша — не сдерживая восторг, постепенно все набирая скорость, пока не смогли обогнать маршрутку и многонациональную стаю псов, которая тут же припустила за нами, и через собачий лай, тесный шлем я не сразу понял, что Яша мне кричит: «...!»

— Что?

— Е-е!

— Что?!

— Ветер! Папа! Ветер! — проорал Яша, отцепил одну руку от вихляющегося руля и выставил палец в небо, где ни дуновения, ни облачка и только у нас свой отдельный ветер, безо всяких досок и парусов.